

Постижение истины

О поиске своего пути в искусстве, об ответственности актера размышляет народный артист СССР Евгений МАТВЕЕВ

Внешне — для зрителей — моя судьба в театре и кинематографе сложилась удачно. Но пришел я к сегодняшнему дню через многие преодоления в этой судьбе, и преодолевать пришлось прежде всего самого себя. Да это и необходимо было, чтобы жизнь почаще опрокидывала мои наивные в молодости представления о ней, но при этом сохранила во мне страсть и дерзость первооткрывателя.

Все в жизни бывает впервые. Особенно в молодости, когда хочется испытать себя, как говорится, справа налево и вдоль и поперек, чтобы постичь правду, истину. В молодости любого актера подстерегает опасность сотворить себе кумира, идола, принять его за идеал и стремиться к нему, часто наивно при этом думая, что ты движешься к самому себе, настоящему. А это очень, повторяю, опасно: а ну как завтра кто-нибудь другой захватит твое воображение?..

В своей актерской молодости и я, естественно, имел таких кумиров, но избегал ставить точки над «и» и каждый раз стремился как можно глубже проникнуть в их творчество, постигнуть то, что казалось мне в них явлением, высочайшим мастерством. И они, любимые мои актеры, будучи непохожими друг на друга, как бы разогревали во мне самом страсть, стремление к разнообразию, желание испытать себя в различных, порой совершенно полярных жанрах, качествах.

Когда я пришел в новосибирский театр «Красный факел», я еще не мог признаться в том, что нашел себя истинного. Приобретался опыт — накопления сердца и ума... В 1952 году я был приглашен в Малый театр. Тогда стал посещать организованный при ВТО семинар М. Н. Кедрова по практическому изучению системы Станиславского. Этот семинар стал бесценным событием в моей жизни. Его посещали уже хорошо известные в ту пору актеры Л. Галлис, А. Петров, Л. Добржанская, Н. Гриценко, С. Лукьянов... И, конечно, общение с ними, а главным образом с Михаилом Николаевичем Кедровым, стало для меня незабываемыми уроками самопознания.

Что такое самопознание? Что такое формирование собственного видения? Молодым порой сдается, что они не только все вокруг себя знают, но и в самих себе все уже постигли с первых своих самостоятельных шагов. А между тем процесс самопознания не имеет конца, он вечен, как вечно то, что Станиславский называл жизнью человеческого духа. Какой актер может сказать, что до конца проявил свои возможности в той или иной роли? Какой актер может признаться, что исчерпал себя в своем искусстве?

Иное дело — подойти к такой степени самопознания, когда ты точно, определенно знаешь, чего не можешь и не хочешь. Сегодня я это знаю. Часто спрашивают, почему я не снимаюсь в комедии. Боюсь! У меня, естественно, есть взгляд на комедию — со стороны. Я ощущаю и комизм ситуации, и комизм характеров, но только как зритель. В театре, помню, играл Телятьева и имел успех, но никогда не считал свои комедийные роли достижением. Более того, сегодня я совершенно убежден, что комедия в чистом виде — не для меня. Впрочем, существует ли комедия в чистом виде?

Когда я обратился к режиссуре, то вместе с радостью, всегда возникающей у человека при постижении нового, до сих пор неведомого, я испытывал еще и огромную ответственность. Не только за то, каким получится будущий фильм. Очень боюсь пропустить, пройти мимо интересного артиста. А ну как по моей вине человек упустит свой «звездный час»? Это же

страшно. Я сам актер и очень хорошо понимаю, что такое «звездный час» в актерской судьбе... Когда я репетирую с актером, для меня важно не только то, что он «выдает» конкретно на репетиции, мне надо знать, что он может, на что способен еще. Интересен его душевный запас, его инициатива, творческая сила. Выигрывает тот, кто умеет в деле отстаивать свое понимание характера, убеждать партнера.

Фильм «Судьба» еще и еще раз был для меня полным подтверждением этих истин. В огромной степени своим успехом лента обязана объединенному в ней актерскому коллективу.

После выхода «Судьбы» на экраны я получил более семисот писем. В письмах люди рассказывали о своих судьбах, размышляли о том, что довелось им пережить, делились самым сокровенным. Это волнующие, порой поражающие своей беззащитной обнаженностью и доверительностью человеческие документы. Поразило меня и письмо из Перми. В нем рассказывалось о том, что на одном из сеансов для глухонемых неожиданно пропали титры. Тогда вышел на сцену человек и у экрана стал «переводить» текст. Так было до самого конца фильма. Ну скажите, разве не стоит ради одного этого часа, месяцами мучиться, страдать в поиске той одной-единственной правды в искусстве, которая нужна людям?

Иногда на встречах зрители сетуют на то, что я не снимаюсь в отрицательных ролях. Это правда. Но стоило мне однажды появиться на экране в такой роли, послышались голоса: «Не надо, не разрушайте наших иллюзий». Зрители, оказывается, часто с созданным актером образом отождествляют личность его самого. И это, надо сказать, накладывает на актера огромнейшую ответственность. Всеми своими мыслями, поступками он должен подтверждать право быть достойным своих героев, право сниматься в тех или иных ролях. Я очень хорошо помню случай, когда прекрасный актер, которого с самой его ранней творческой поры все мы привыкли видеть в ролях положительных, в образах, несущих светлые мысли, идеи, чувства, вдруг появился на экране в роли матерого фашиста. Нет, он не «завалил» роль, а лишний раз подтвердил свою одаренность, талант. Но я глубоко убежден, что эта роль все-таки не стала заметной в его послужном списке (если не считать затраченного на ее создание времени), была той неопозволительной крайностью, которая могла нанести ощутимый ущерб гражданской теме этого актера.

Все лучшее в герое становится частью меня самого. Если, конечно, это лучшее волнует. Я верю в то, что играю, живу этим, но иногда чувствую дистанцию между мной и образом. И это мучает, лишает сна, покоя вообще. Макар Нагульнов, с которого, в общем, я веду свое летосчисление в искусстве, — один из тех героев, кто доставил мне очень много хлопот. К нему я шел долго, мучительно. Но через него, через Будулая, Добротина, Шаповалова я постигал жизнь во многих ее проявлениях, становился душевно богаче, сложнее.

Актерству и режиссуре отданы многие годы. И все, что мне открылось за эти годы, что удалось постичь в жизни, искусстве, выкристаллизовывалось в муках, страданиях, в незабываемом общении с прекрасными мастерами. Все, что накопил за это время в душе, в сердце, помогало и помогает мне сегодня все большее и больше узнавать любимое дело, в котором нет и не может быть абсолютного удовлетворения совершенным.